

Law of Ukraine: from July 1. 2010 № 2399-VI // Supreme Council of Ukraine. – 2010. – № 38. – Art. 510.

11. The democratic civilian control over the military and law enforcement agencies: the Law of Ukraine: from June 19. 2003 № 975-IV // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 2003. – № 46. – Art. 366.

12. On the Basic Principles of State Supervision (Control) in Economic Activity: The Law of Ukraine: from Apr 5. 2007 № 877-V // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 2007. – № 29. – Art. 389.

13. Pchelin VB review of administrative acts of the Interior: dis. ... Candidate. Legal. sciences: 12.00.07 / Pchelin Vitaly Borisovich. – H., 2011. – 189 p.

14. Decision of the Constitutional Court of Ukraine in the case of the constitutional petition the Supreme Court of Ukraine regarding the conformity to the Constitution of Ukraine (constitutionality) of the provisions of Article 69 of the Criminal Code of Ukraine (case on the court more lenient punishment) № 15-рп/2004 on November 2, 2004 // Official Bulletin of Ukraine. – 2004. – № 45. – Art. 2975

15. E. A. Ruban. Administrative and legal principles of state control in the field of road transport: dis. ... Candidate. Legal. sciences: 12.00.07. / Ruban Andrew E.. – H., 2009. – 193 p.

16. Racehorse O. Theory of State and Law (Collegiate Course): Handbook. 2nd edition, revised and enlarged. – Kharkov: Espada, 2009. – 752 p.

17. Legal Encyclopedia: in 6 t / [Editorial Board. : YS Shemshuchenko (vidp. ed.) Et al.]. – Kyiv: Ukrainian Encyclopedia, 2003. – T. 5. – 736 p.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ РЕСТИТУЦИОННОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ УКРАИНЫ

О. ИВАНЕНКО,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского и трудового права
Государственного высшего учебного заведения
«Киевский национальный экономический университет
имени Вадима Гетьмана»

М. ИВАНЕНКО,

аспирант отдела проблем гражданского,
трудового и предпринимательского права
Института государства и права имени В.М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

SUMMARY

This article is devoted to the investigation of the concept and content of obligations of the restitution in civil law of Ukraine. The rights and responsibilities that define the essence of the obligations arise as a result of improper conduct of the parties of the deal, which was invalid. The emergence of obligation of the restitution is not dependent on the willingness of parties of invalid deal, because the consequences of invalid transactions are explicitly stated in the law, they apply imperative and does not provide any alternative courses of action to parties of deal. Considerable attention is paid to the analysis of the concept of restitution in the broad and narrow sense. The understanding of the difference between broad sense and narrow sense of the restitution contributes to the correct application of the legal institution of civil restitution in practice. Position that restorative obligation, like any other, is implemented in the framework of civil relations, and is characterized bilateral and reciprocal nature was justified in this article.

Key words: law of restitution, restitution claim, obligation of the restitution, unjust enrichment, vindication, a claim of unjust enrichment, bilateral.

* * *

Данная статья посвящена исследованию понятия и содержания реституционного обязательства в гражданском праве Украины. Права и обязанности, которые определяют сущность данного обязательства, возникают в результате неправомерного поведения сторон сделки, которая явилась недействительной. Возникновение реституционного обязательства не зависит от желания сторон недействительной сделки, так как последствия недействительной сделки прямо указаны в законе, они применяются императивно и не предусматривают каких-либо альтернативных вариантов поведения сторон реституционного обязательства. Значительное внимание уделено анализу понятия «реституция» в широком и узком понимании, так как понимание этой разницы способствует правильному применению гражданско-правового института реституции в практических ситуациях. В статье обосновано, что реституционное обязательство, как и любое другое, реализуется в рамках гражданских правоотношений, особенностью которых является синаллагматичность.

Ключевые слова: право реституции, реституционный иск, реституционное обязательство, неосновательное обогащение, виндикация, кондикция, взаимный характер.

Постановка проблемы. Понятие «реституция» следует рассматривать в широком и узком значениях. В широком смысле – это возвращение сторон недействительной сделки в прежнее состояние, в котором они находились до совершения правонарушения, путем взаимного самостоятельного (добровольного или принудительного) восстановления ими имущественной сферы друг друга. В узком смысле реституция представляет собой обязательственное правоотношение между лицами по возврату имущества (или денег, если происходило пользование имуществом, выполнение работы или оказание услуг), полученное по недействительной сделке, заключенной между этими же лицами. Определение сущности реституционного обязательства является важным шагом к формированию единой точки зрения на правовую природу реституции в целом.

Актуальность темы исследования. Вопросы определения правовой природы реституции, ее места в системе гражданско-правовых институтов, соотношение с другими смежными правовыми категориями неоднократно поднимались как отечественными, так и зарубежными цивилистами. Но, несмотря на интерес к исследуемому нами институту со стороны ученых, многие ключевые аспекты так и остались нераскрытыми.

Состояние исследования. Научные исследования в области определения правовой природы реституции проводились многими отечественными и зарубежными учеными. Среди которых следует назвать работы таких ученых, как В. Ансон, М. Брагинский, В. Витрянский, Е. Джэнкс, В. Карабань, Х. Кетс, А. Климович, В. Кривенко, О. Макарова, Ю. Матвеев, В. Ротань, Р. Саватье, В. Семчик, В. Соломенный, А. Сергеев, К. Скловский, Ю. Толстой, Д. Тузов, Е. Флейшиц, К. Цвайгерт, Я. Шапп, А. Ярема и другие.

Целью и задачей статьи является определение понятия реституционного обязательства, его содержания и особенностей реализации правомочностей его участников на практике. Кроме того, значительный интерес представляет анализ прав и обязанностей сторон в недействительной сделке с точки зрения разделения реституции на одно- и двустороннюю.

Изложение основного материала. Вопрос определения правовой природы реституции неоднократно поднимался цивилистами-учеными. Однако единая точка зрения относительно понимания сущности данного понятия и его содержания, к сожалению, не сформирована. Так, некоторые ученые (В.П. Шахматов, З.И. Шкундин, Ф.С. Хейфец) рассматривают реституцию как неосновательное обогащение [1] и приводят в пользу своей позиции следующие аргументы. Признание сделки недействительной происходит именно с момента совершения сделки, а следовательно, право на все полученное по такой сделке отсутствует. Таким образом, основанием изъятия имущества по недействительным сделкам, независимо от юридических свойств имущества, является неосновательное приобретение или сохранение имущества.

По другой точке зрения (Н.В. Рабинович), реституция присуща двойственная правовая природа [2, с. 144-152]. Данная правовая категория может быть разновидностью как неосновательного обогащения, так и виндикации. Определяя ее правовую природу, в каждой конкретной ситуации следует исходить из оснований изъятия имущества. Так, если конкретная вещь является индивидуально-определенной и изымается на основании виндикационного иска, то следует говорить о реституции как о разновидности виндикации. В случае же с родовыми вещами и требованием о возврате неосновательного обогащения следует говорить о второй разновидности реституции.

Третья позиция (К. Скловский, В. Толстой) относительно правовой природы реституции основана на ее исключительных признаках – взаимном характере присущих ей черт обязательства и посессорности [1]. Последняя, в свою очередь, предусматривает обязанность возвратить вещь лицу независимо от законности и добросовестности владения ею, а лишь в силу самого факта держания вещи до момента признания сделки недействительной. В отличие от реституции, которая принадлежит к обязательственным способам защиты права и направлена на возвращение сторон в недействительной сделке в состояние, которое существовало до установления факта недействительности, виндикация является вещно-правовым способом защиты нарушенного права. Такой способ защиты позволяет собственнику имущества истребовать его у лица, незаконно и безосновательно его удерживающего. Итак, согласно третьей позиции, правоотношения сторон по возврату или компенсации друг другу всего, что было ими получено по недействительной сделке, являются обязательственным правоотношением [3, с. 120-121].

Ю.Х. Калмыков считает, что относить реституционные правоотношения к обязательственным категорически недопустимо, ведь факт предъявления претензий не превращает участника такой сделки в кредитора, поскольку возвращение в первоначальное состояние достигается не в результате совершения действий должником, а с помощью правоохранительных органов [4, с. 51].

Наука гражданского права находится в постоянном развитии, и на современном этапе позиция Ю.Х. Калмыкова уже не выдерживает критики. Гражданские правоотношения, и обязательственные в том числе, должны реализовываться в рамках действующего законодательства, нормы которого и обеспечивают устойчивое развитие правоотношений с соблюдением принципов законности, правомерности и добровольности его участников. Однако законодателем предусмотрены случаи, когда участники гражданского правоотношения (или один из них) не выполняют взятых (или возложенных на них) на себя обязательств. В таком случае происходит применение механизма принудительного исполнения обязательства. То есть, любое гражданское правоотношение, и реституционное обязательство здесь – не исключение, должно выполняться или добровольно или принудительно. Таким образом, взгляд Ю.Х. Калмыкова о невозможности рассматривать реституцию с позиции обязательственного правоотношения лишь на том основании, что оно реализуется не собственно его сторонами, а с помощью правоохранительных органов, не является аргументированным.

Позиция, что субъективные права и обязанности реализуются в пределах гражданских правоотношений, не вызывает сомнений, и обязательства, результатом которых является применение реституции, не является исключением. Реституционные обязательства возникают в результате совершения определенных действий по недействительным сделкам: существует определенное гражданское правоотношение, содержание которого составляют права и обязанности его сторон, в пределах которых и реализуется реституционное обязательство. Итак, реституция представляет собой обязательственное правоотношение, но возникает вопрос: с какого момента оно возникает? Как отмечает Д.О. Тузов, обязанность реституции возникает уже в момент совершения необходимых действий по недействительным (ничтожным) сделкам или в момент вступления решения суда об аннулировании оспариваемой сделки, но ни в коем случае не в момент предъявления претензий или иска о реституции [5, с. 80-81]. Данный

тезис указанный цивилист обосновывает утверждением, что в договорных, деликтных, кондикционных обязательствах кредитор не всегда выдвигает претензию или иск, но это не значит, что у него отсутствует субъективное право и что он не является кредитором. По нашему мнению, следует частично поддержать данную научную позицию. Считаем, что субъективное право на реституцию возникает у участников гражданского правоотношения с момента возникновения самой сделки – со времени, когда лицо (или оба) совершат действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. А вот что касается времени реализации этого права, то предложение Д.О. Тузова является достаточно целесообразным. Так, если недействительность сделки существует уже в момент ее совершения, то применение реституции вполне возможно именно с этого момента. В случае, когда недействительность сделки прямо не вытекает из ее сущности, а устанавливается судом, то реституционное обязательство между участниками сделки возникает с момента вступления в силу решения суда.

Д.О. Тузов определяет реституционное обязательство в виде односторонней правовой связи между получателем (должником) и отчуждателем (кредитором), которое возникает в результате совершения последним передачи по недействительной сделке [5, с. 137]. Кроме того, этот цивилист указывает, что реституция не является самостоятельным, особым видом охраняемых правоотношений, обязательством *siu generis*, а представляет собой лишь совокупное определение уже известных цивилистике правовых требований (виндикационного, посессорного, кондикционного исков, исков о выделе доли из общего имущества, а также о возмещении убытков), возникших – и именно в этом заключается объединяющая их черта – в связи с предоставлением чего-то по недействительной сделке [5, с. 137].

Далее Д.О. Тузов ставит под сомнение одностороннюю правовую связь между субъектами реституционного обязательства, предполагая, что недействительную сделку выполнили обе стороны и что каждая из них выступает

одновременно в роли как отчуждателя (кредитора), так и приобретателя (должника). Ведь в силу п. 2 ст. 167 ГК (речь идет о Гражданском кодексе Российской Федерации) вернуть все полученное по недействительной сделке обязана каждая из ее сторон. А значит, не является ли реституция в таком случае двусторонним (синаллагматическим) правоотношением, в отличие от других правоохранительных обязательств [5, с. 137]?

Критикуя утверждение К. Скловского, что двусторонняя реституция – это возвращение имущества, которое имеет встречный характер [6, с. 38], и отмечая отсутствие у реституции признаков синаллагматического правоотношения, Д. Тузов приводит аргументы в пользу своей позиции. По нашему мнению, их следует несколько обобщить и проанализировать для того, чтобы сформулировать свою позицию относительно принадлежности реституции к тому или иному виду правоотношений – односторонних или двусторонних.

Итак, во-первых, для того, чтобы реституционное обязательство можно было назвать двусторонним правоотношением, оно должно соответствовать признакам синаллагмы. Другими словами, оно должно быть юридическим правоотношением со сложной структурой, в котором два различных по своему содержанию обязательства взаимно обуславливают друг друга таким образом, чтобы, по общему правилу, выполнение одного из них должно быть осуществлено только в случае и по мере выполнения другого [7, с. 66]. Реституция, по мнению Д.О. Тузова, не является сложным юридическим правоотношением, поскольку не имеет истинно двустороннего, взаимного характера. Ведь сторона в недействительной сделке обязана передать другой стороне в порядке реституции определенную вещь или уплатить определенную денежную сумму не потому, что и сама получает или ожидает получить за это какое-либо встречное исполнение (эквивалент), а по той причине, что обязана, «связана совершить эти действия исключительно в силу того, что незаконно владеет чужой вещью – безосновательно обогатилась за счет другой стороны недействительной сделки

или ответственно перед ней за нанесенный ущерб». Таким образом, заключает свое мнение Д.О. Тузов, в реституционном обязательстве отсутствует то главное, что характеризует любое двустороннее (синаллагматическое) правоотношение – взаимообусловленность субъективных прав и обязанностей, их встречный характер [5, с. 138].

Во-вторых, отсутствие синаллагмы проявляется и в том, что, выступая одновременно и в качестве кредитора, и в качестве должника, каждая из сторон недействительной сделки реализует свои правомочия в рамках отдельного реституционного правоотношения, в котором она имеет только права или только обязанности. Если возникают два самостоятельных реституционных требования, то они хотя и связаны между собой, но встречными не являются.

Третье отличие – это отсутствие эквивалентности реституционных требований кредитора и должника. Несмотря на то, что реституционное обязательство может существовать в одно и то же время и между теми же лицами, что и сделка, которая и вызвала применение реституции, «судьба одного реституционного обязательства не производит никакого влияния на судьбу другого» [5, с. 139], и именно в этом, по мнению Д.О. Тузова, проявляется их независимость.

Четвертым, на что обращает внимание указанный выше цивилист, является то, что если истинно двустороннее правоотношение возникает из единого факта, а именно – взаимного договора, то установление реституционного обязательства связано с отдельными, самостоятельными, а потому не совпадающими во времени, действиями. Есть определенное обстоятельство, которое возникло раньше, и может достаточно длительное время существовать самостоятельно, без какой-либо связи с другим. Кроме этого, другое обстоятельство (имеется в виду применение реституции) может не возникнуть вообще. И именно в результате такого «временного несовпадения» двух реституционных обязательств нельзя говорить об их взаимообусловленности.

По нашему мнению, с такой точкой зрения нельзя согласиться. Ведь реституционные обязательства – это правоотношения между сторонами не-

действительной сделки. И эти правоотношения (как следствие недействительности) возникают независимо от воли субъектов – в силу прямого указания закона сторона (или стороны) обязана вернуть другой стороне (или другу) все, что было ею (ими) получено по сделке, которая является недействительной. Поэтому и первое обстоятельство, о котором ведет речь Д.О. Тузов – собственно передача вещей, иного имущества, денежных средств (по нашему мнению, целесообразно включить в этот перечень и выполнение работ, оказание услуг, ведь выполнение обязательства может состоять не только в передаче объектов материального мира, но и в предоставлении определенных услуг) и т.д. – по сделке, которая является недействительной, всегда может иметь место. И второе обстоятельство – обязанность возвратить все полученное, также присутствует всегда, по той простой причине, что она является прямо зависимой от первой и вытекает из нее.

В заключение, Д.О. Тузов добавляет, что синаллагматическое правоотношение характеризуется, кроме вышеперечисленного, еще и тем, что невозможность осуществления одного из обязательств, входящих в его состав, как правило, парализует и действие второго – встречного обязательства. И, таким образом, влечет прекращение всего сложного правоотношения в целом. В отличие от этого, невозможность реституции по отношению к одной из сторон недействительной сделки сама по себе не влияет на юридическую силу реституционного требования другой стороны. Это обстоятельство, как и предыдущие, свидетельствует об отсутствии у реституционного правоотношения признаков встречности и взаимообусловленности субъективных прав и обязанностей [5, с. 139].

Подытоживая сформулированные аргументы, российский цивилист делает вывод, что двусторонняя реституция не является взаимным, истинно двусторонним правоотношением. Она представляет собой симбиоз двух самостоятельных, односторонних по своей структуре и ни в коем случае не обуславливающих друг друга обязательств. Если и допустимо их называть встречными, взаимными, то только в

формальном смысле внешнего противоречия друг другу, а не в материальном понимании внутреннего между собой соответствия. Связь, которая существует между этими обязательствами, только внешняя, поверхностная, а не функциональная, не синаллагматическая. Вследствие этого, каждое из них (обязательств) «живет» по своим законам и не производит воздействия на судьбу другого [5, с. 143].

На наш взгляд, согласиться с позицией Д.О. Тузова не представляется возможным, ведь под встречным исполнением он понимает взаимность, взаимообусловленность двух неоднородных требований. Однако даже ГК РФ под данным понятием понимает любые однородные требования, принадлежащие одним и тем же лицам и противопоставленные друг другу независимо от оснований их возникновения (ст. 410 ГК РФ).

Выводы. Исследовав в данной научной статье понятие реституционного обязательства и проанализировав содержание прав и обязанностей его сторон, следует согласиться с позицией, что оно существует и реализуется, как и любое другое гражданское обязательство, в рамках гражданских правоотношений. Права и обязанности, характеризующие данное обязательство возникают как результат на неправомерное поведение сторон сделки, которая явилась недействительной или была признана таковой впоследствии. Возникновение реституционного обязательства никоим образом не зависит от желания сторон недействительной сделки, в силу ст. 216 Гражданского кодекса Украины, последствия недействительной сделки прямо указаны правовой нормой, применяются императивно и не предусматривают каких-либо альтернативных вариантов поведения сторон реституционного обязательства.

Список использованной литературы:

1. Макарова Е.В. Соотношение реституции, виндикации и кондикции / Е.В.Макарова // www.law.bsu.by/pub/7/Makarova_Ekaterina_10.doc
2. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 171 с.

3. Толстой В.С. Понятие обязательства по советскому гражданскому праву // Учен. зап. ВЮЗИ. Вып. 19., М., 1971. – 218 с.

4. Калмыков Ю.Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. – Саратов, 1987. – 216 с.

5. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве. Дисс. на соиск. уч. степени к.ю.н. – Томск, 1999. – 211 с.

6. Скловский К. Защита владения, полученного по недействительной сделке / К. Скловский // Хозяйство и право. 1998. № 12.

7. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юриздат, 1940. – 192 с.

8. Науково-практичний коментар до цивільного законодавства України: в 4 т. / А.Г.Ярема, В.Я. Карабань, В.Г. Ротань. – Т.1. – К.: А.С.К., Севастополь: Ін-т юрид. дослідж., 2004. – 928 с.